Кто же они, эти поджигатели?

«Бидерман и поджигатели» М.Фриша в театре «Клебер-Мело» в Лозанне

Волнующая и, увы, всегда современная, эта проблема, казалось, должна была найти благодатную почву для художественного воплощения в респектабельной и спокойной Швейцарии в самую последнюю очередь.

Но по иронии судьбы или по особой, дальновидной мудрости, свойственной этому народу, пьеса "Бидерман и поджигатели" была написана именно в Швейцарии в 1958 г. и вот уже сорок лет пользуется удивительным успехом. Максу Фришу удалось не только сделать необходимые выводы из кошмаров Второй Мировой войны, но и предвидеть грядущие события своего века. В этом смысле пьесу вполне можно назвать пророческой.

...В один прекрасный день к Бидерману (Пьер Билан) приходит незнакомец, бывший ярмарочный борец, а ныне грузчик без работы, по имени Гуло (Марсель Робер), и рассказывает о несправедливостях, которые ему пришлось претерпеть в жизни. Поэтому, из страха быть несправедливым, Бидерман уступает ему свой чердак, давая убежище пришельцу. Кругом говорят о пожарах, слышится вой пожарных сирен, по сцене снуют пожарники, а Бидерман думает лишь о своем покое... Утром, убедившись, что дом его цел и невредим, он, стараясь выглядеть великодушным и милосердным, приглашает своего гостя разделить с ним завтрак.

На следующий день Бидерман неожиданно обнаруживает у себя на чердаке второго незваного гостя, друга Гуло — Дюрасье, бывшего метрдотеля (Армен Годель), только что вышедшего из тюрьмы, где он сидел за поджог. Дюрасье сам признается в этом и вполне искренне. Оба поджигателя начинают таскать к Бидерману на чердак бидоны с бензином и отнюдь не скрывают этого от хозяина. Все делается с невинно-наглой откровенностью.

Однако Бидерман почему-то продолжает верить в порядочность этих подонков и в то, что они не станут злоупотреблять его доверием. Он рассуждает так: если они не поджигатели, то несправедливо их выгонять, ибо несправедливость только озлобит этих людей.

Макс Фриш.

Дальше — больше. Один из них, Дюрасье (тот, который сидел), то ли в шутку, то ли всерьез, признается, что собирается поджечь город. Целиком! Но хозяин опять рассуждает по-своему: если бы у них действительно было такое намерение, они бы не стали об этом говорить.

А гости, как и прежде, вполне откровенны в своих намерениях: "Мы ждем благоприятного ветра", — говорит Дюрасье.

Кажется, уже пора сообщить об этом в полицию. Но Бидерман этого не делает, он считает, что глупо беспокоить полицию ложной тревогой: а вдруг окажется, что гости его вовсе не поджигатели, ну, а если они поджигатели, то уж лучше быть осторожнее, тем более, что ты их друг, а если ты их друг, то, может, они тебя и пощадят...

Между тем бывший метрдотель идет за соломой.

Бидерман решителен в своем стремлении охранять свой покой. Более того, невзирая на несогласие супруги (Мартина Пашу), он считает, что надо пригласить гостей на обед. А те, как всегда, до наглости откровенны: наевшись и напившись, напоследок просят у хозяина спички. Бидерман до конца остается верным избранному курсу: не показывать страха и любой ценой сберечь свой покой, — он дает им коробок спичек...

И наконец свершается пожар, который ожидался с самого начала спектакля: горит дом Бидермана, дым, самое настоящее пламя, запах горелого по всему залу, треск и грохот, рушатся и ломаются великолепные декорации. И все это настолько естественно, что зритель нет-нет, да и посматривает на выход: не рвануться ли? Мало ли что, а вдруг пожар перекинется и на зрительный зал, да и вообще на все здание театра? А что, если постановщики не всё предусмотрели и ошиблись в своих расчетах, ведь все-таки премьера?..

Бидерман (Пьер Билан) и Гуло (Марсель Робер).

Сцены из спектакля.

Но нет, страх показаться смешным в глазах других заставляет зрителя спрятать свой истинный страх за легкомысленно-непринужденной улыбкой: ничего, мол, может, и пронесет... И уже только после того, как опускается занавес, успокоенный, что пронесло, зритель покидает зал с неким удовлетворением и нескрываемой гордостью: ведь ему удалось перебороть свой страх и не сорваться... Таким образом страх трансформируется в смелость и чуть ли не в геройство.

Режиссеру спектакля удалось добиться невероятного: сиюминутного воздействия исскуства. Он дал почувствовать зрителю на собственном опыте, на собственной шкуре, без лишнего морализаторства, проблему Бидермана. И в этом задача настоящего искуства. Произошел катарсис. Уже выходя из зала, зритель точно мог определить, кто он: Бидерман, поджигатель или пожарник...

Автор великолепных сценических эффектов — известный архитектор, художник и декоратор Эцио Тоффолутти. После наших восторженных комплиментов он "скромно" пошутил: *"Это, конечно, не пожар* ***Фениче****, но говорят, что впечатляет..."*

Итак, кто они эти поджигатели, и почему режиссер Клод Стратц решил поставить эту пьесу дважды, с тем же актерским составом, сначала в театре "Комеди де Женев", директором которого он является, а потом уже в Лозанне в театре "Клебер-Мело"?

Макс Фриш в своем дневнике писал, что *"искусство не указывает. Оно – свободное выражение твоей глубокой неудовлетворенности, твоих желаний"*.

Режисер-постановщик спектакля в своей трактовке не только остается до конца верным этому принципу Фриша:

Бидерман (Пьер Билан) и Дюрасье (Армен Годель).

не указывать пальцем, не учить, не морализаторствовать, а искать точки соприкосновения между неудовлетворенностью зрителя и художника. Он идет дальше.

Жанр спектакля можно определить как клоунаду. На грани клоунады играют почти все участники спектакля. Пьер Билан, исполнитель роли Бидермана, вообще профессиональный клоун. Прекрасно вписываются в жанр Мартина Пашу, Армен Годель, Мариама Силла и особенно Марсель Робер, играющий Гуло. Его фактура балаганного силача, утрированный грим напоминают туповатых великанов из чаплинских скетчей.

Откровенным выбором экспрессивных средств режиссер явно заявляет о своем желании активно контактировать со зрителем в процессе самого спектакля. Он требует сопереживания, катарсиса сию же секунду; и он добивается этого: зритель втянут в спектакль, в игру. Он бурно реагирует, часто смеется, но это не беззаботно-глуповатый смех, который вызывают телевизионные шутки, а нечто посерьезнее. Тем самым режиссер еще более приближается к принципам автора, считающего, что *"сцена всегда чем-то похожа на ринг, на арену, даже на открытое судебное заседание "*.

Вообще зрители этой пьесы в разные времена и в разных концах света реагировали на нее по-разному, никогда не оставаясь безучастными. В лице поджигателей Гуло и Дюрасье одни видели коммунистов, другие — нацистов. Сам М.Фриш по этому поводу писал:

"Для немецких сцен я написал такой эпилог: Бидерман – это немецкий буржуа, который идет на братание с нацистами. Позже я убрал этот эпилог, ибо он переносил притчу в прошлое и, следовательно, тем самым уничтожал ее как таковую".

С самого начала М.Фриш определил жанр своей пьесы как притчу. А притча, по его мнению, *"приобретает смысл только в сопоставлении с самыми жгучими проблемами современной жизни той страны, где она играется"*.

Швейцарские проблемы нам не совсем известны. Послушаем, что говорят об этом сами швейцарцы. Армен Годель, исполнитель роли Дюрасье, в статье "Жгучие вопросы господина Бидермана", напечатанной в лозаннской газете "24 часа", с неприкрытой иронией говорит, например, о "швейцарском рае". А исполнитель главной роли Пьер Билан признается, что в свое время бежал из Швейцарии, чтобы обосноваться в Париже, и старался не показывать своего паспорта. *"Я не хотел, чтоб они знали, откуда я"*.

Во время спектакля мы то и дело ловили себя на том, что как-то иначе реагируем. Там, где швейцарский зритель хохотал от души, мы чаще всего горестно улыбались, а то и мрачно кивали головой. Может быть потому, что для нас эти пожары не сценические эффекты, а самые настоящие катастрофы, которые опалили наши души и тела. У нас было какое-то нерадостное чувство превосходства над этой безумно хохочущей публикой, ибо нам казалось, что мы лучше, ближе, как-то острее воспринимаем этот горестный, даже черный юмор, что нам действительно понятнее смысл пьесы и спектакля и что он своей "неуместностью" больше подходит всем нам, жителям бывшего Союза, ибо смотрели мы этот спектакль из-под развалин уже свершившихся пожаров.

И все-таки, кто же они на самом деле, эти поджигатели? Только ли коммунисты и нацисты? Или, как считает А.Годель, это "террористы, интегристы и всякая сволочь"?

Вполне возможно. Но как они похожи на тех "спасителей отечества", которые в разных концах нашей "необъятной страны" вполне искренне и откровенно раздували и продолжают раздувать пламя межэтнических конфликтов, грабежей, насилий, разрушений и войн! И все это делалось и делается во имя нашего "светлого будущего".

"По-моему, они оба из племени демонов, — писал М.Фриш о поджигателях. — *И породил их сам Бидерман, своим страхом"*.

Я бы добавила — благодушием, "великодушной" терпимостью ко всякого рода подлости. А своих демонов, все еще продолжающих свой шабаш, породили мы сами. И не только страхом, а безответственностью, безразличием к чужой боли, леностью души, обывательским благодушием и твердой уверенностью, что "наша хата с краю"...

Но во время мощных пожаров горят все хаты, даже те, что "с краю". Спектакль К.Стратца говорит нам и об этом.

М.Фриш был прав: притчу нельзя и невозможно прочно и навсегда прописать в границах одного места и времени.

АНАИТ ТОПЧЯН

Женева